

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ПСИХОЛОГИИ РЕБЕНКА В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

(Работы Маргарет Мид)

Этнография представляет собой дисциплину, обладающую огромным, тематически разнообразнейшим материалом, а следовательно, она может и должна служить источником для ряда различных отраслей науки. Так, этнографический материал должен был сыграть немаловажную роль и в трактовке психологии детского возраста. К сожалению, использование этнографического материала в этой области науки остается весьма незначительным. Повинна в этом, впрочем, сама этнография, дающая преимущественно сырой материал, не обрабатывающая и не подготавливающая результатов своих сборов для соответствующего более широкого их использования.

В самой этнографии детям отведено сравнительно еще весьма недостаточное место. В общих этнографических описаниях можно найти лишь отдельные разбросанные замечания о детях отсталых народов. Из специальных на эту тему иностранных работ, основанных на непосредственном наблюдении, можно назвать лишь статейку о детях одного из племен эскимосов и неплохую, однако, чисто описательную, книгу о детях кафров¹.

В русской дореволюционной этнографической литературе детям почти не уделялось внимания. Правда, этнографы занимались довольно усиленно такими вопросами, как условия и обстановка, при которых происходят роды, как способ ношения или укутывания ребенка; немало внимания уделялось детской люльке, детским играм, игрушкам и пр. Но положение детей в доме и в обществе, их воспитание, взаимоотношения со взрослыми и т. д., одним словом, вся общественная сторона проблемы детства у отсталых народностей совершенно выпала из поля зрения русской дореволюционной этнографии. Советская этнография, хотя и включила данные темы в программу своих полевых исследовательских работ, но пока еще, к сожалению, не дала соответствующих литературных результатов.

В западноевропейской и американской литературе существует и ряд компилятивных работ, более или менее добросовестно собранных материалов на тему о детях у отсталых народностей вообще или у отдельных этнических групп, либо посвященных более определенным вопросам, в частности воспитанию, умственному развитию и пр.² Большая часть этих работ появилась, как можно видеть, лишь в сравнительно недавнее время. Но все эти сочинения, помимо того, что они являются преимущественно компилятивными, не ставят каких-либо проблем и ограничиваются в лучшем случае сравнительным описанием.

На этом фоне (не только ввиду его скудости) заметным образом выделяются и привлекают к себе внимание работы американского этнографа Маргарет Мид. Ученица покойного главы американской антропологии и этнографии Франца Боаса, М. Мид в своей полевой этнографической работе в Полинезии и Меланезии сосредоточилась преимущественно на наблюдениях над детьми. Будучи не только подготовленным этнографом, но соединяя в своем лице, по всей видимости, и педагога, американская исследовательница, помимо общэтнографических работ, которые она дала, занялась изучением проблем воспитания и психологии детского возраста в свете этнографического материала. Опубликованные М. Мид книги и статьи привлекли к себе за границей, в особенности в США, широкое внимание. У нас эти работы остаются неизвестными, между тем, как собранный М. Мид материал, так и сделанные ею отдельные обобщения и выводы имеют, с нашей точки зрения, большое научное значение и могут быть с успехом использованы в советской науке. Работы М. Мид должны, по нашему мнению, заинтересовать у нас (не говоря об этнографах) не только педагогов, но и психологов, антропологов, историков первобытного общества, историков религии, наконец, и более широкие круги советского читателя.

¹ E. O. Hovey. Child life among the Smith Sound Eskimo. «Natural History», 1918, 18; D. Kidd. Savage childhood. A study of Kafir children, London, 1906.

² H. B. A. Eilers. Die sociale Beziehungen des Kindes bei den Bantu-Negren. Hamburg, 1927; E. Franke. Die geistige Entwicklung der Negerkinder. Leipzig, 1915; W. D. Hamby. Origins of education among primitive peoples. London, 1926; H. Hedenus. Wesen und Aufbau der Erziehung primitiver Völker. «Baessler-Archiv», 16, 1933, 3/4; A. D. Helser. Education of primitive peoples, New York, 1934; N. Miller. The child in primitive society. London, 1928; H. Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. 3 Auflage, 2 Bände, Leipzig, 1911—1912; M. Van Waters. The adolescent girl among primitive peoples. «Journal of Religious Psychology», 1913, 6; 1914, 7.

Имея в виду настоящей заметкой лишь обратить внимание на те работы американской исследовательницы, которые трактуют интересующие нас сейчас темы, мы не думаем исчерпать содержание этих работ и дадим лишь небольшой их обзор.

Первая полевая этнографическая работа была проведена М. Мид в 1925—1926 гг. в Полинезии на небольшой группе островов Мануа, населенной наиболее отсталой частью туземцев архипелага Самоа. Ограничив локально область своей работы, М. Мид сосредоточилась на изучении трех маленьких соседних деревушек на одном из упомянутых островов, проведя здесь около девяти месяцев. Это дало ей возможность при достаточном предварительном изучении туземного языка довольно основательно ознакомиться с бытом исследуемого общества, состоящего всего из шестисот человек. Специальная цель, которую себе поставила исследовательница, сводилась к изучению быта и мировоззрения подростков. Задачей М. Мид было собрать в этой отсталой части Самоа среди этих примитивных рыболовов и земледельцев материал к проблеме так называемого «трудного возраста».

Американская исследовательница поставила перед собой вопрос, являются ли особенности этого возраста необходимо присущими физической и физиологической природе пубертатного периода, как это обычно утверждается, или эти особенности обусловлены соответствующей общественной средой, является ли «трудность» данного возраста естественно детерминированной или же, как формулирует М. Мид, составляет специфическое выражение цивилизации; с другой стороны,—каково в данном случае значение и влияние соответствующих систем воспитания и какие уроки можно извлечь для проблемы воспитания из самоанской действительности.

Правильно решив, что, как женщина, она большего сможет достичь, если займется девушками, М. Мид еще более ограничила круг своих наблюдений и сосредоточилась на изучении девушек-подростков в возрасте от девяти до двадцати лет. Таковых в упомянутых трех деревушках оказалось около шестидесяти, и исследовательница постаралась возможно теснее и ближе сойтись с каждой из них. «Я проводила с ними,—рассказывает М. Мид,—большую часть своего времени. Я тщательно изучала и те семьи, в которых эти девушки жили. Я провела больше времени в играх с детьми, чем в разговорах со старшими. Говоря на их языке, завтракая и обедая вместе с ними, сидя с ними босиком со скрещенными ногами на камнях, я сделала все возможное для того, чтобы уменьшить различие между нами и познакомиться возможно ближе со всеми девушками трех маленьких прибрежных деревушек на архипелаге Мануа».

Результатом этой полевой работы американской исследовательницы явилась ее первая книга, вышедшая впервые в 1928 г. и выдержавшая ряд переизданий³. «Я пыталась,—говорит автор во введении к этой книге,—представить читателю самоанскую девушку в ее общественном положении, описать ее жизненный путь от рождения до смерти, охарактеризовать те проблемы, которые ей приходится разрешать, те меры, которыми она руководствуется в своих решениях, все горести и радости, посылаемые ей судьбой на маленьком островке в Тихом океане».

Соответственным образом книга М. Мид распадается на следующие главы: «День на Самоа», «Воспитание самоанского ребенка», «Самоанская семья», «Девушка и ее сверстницы», «Девушка в своей общине», «Отношения полов», «Роль танцев», «Становление личности», «Познания и индивидуальность средней девушки», «Зрелый возраст и старость».

Остальную часть своей книги автор посвящает трактовке проблем воспитания в свете самоанского материала. Американская исследовательница доказывает, что на Самоа не существует «трудного возраста», а отсюда приходит к заключению, что «трудность» данного возраста не является естественно детерминированной. М. Мид пытается далее истолковать различия в условиях среды на Самоа и в Америке и найти причины, столь осложняющие период созревания в буржуазном обществе. Рассуждения автора в этом направлении небезинтересны, однако очень далеки от нас. Ибо если у американской девушки отец и мать принадлежат к различным религиозным сектам и трагедия ее возраста или ее жизненный «конфликт» составляет необходимость решить, последовать ли ей за отцом или за матерью, либо если американской девушке приходится глушить свою склонность к молодому человеку потому, что он еще «не обеспечен», то все это слишком чуждо для нас. Наконец, для нас вся проблема утратила и свою теоретическую сложность, ибо мы отлично знаем, что этот «трудный возраст» представляет собой преимущественно прямое порождение соответствующего общественного строя.

Остается все же вопрос, достаточно ли глубоко и правильно, при всей тщательности своих наблюдений и при всем ее добром желании, заглянула исследовательница в глубь самоанского общества и достаточно ли правильно поняла положение здесь девушек-подростков. Не слишком ли она недооценивает те специфические для данного общества условия, в которых проходит созревание девушки на Самоа, и не впадает ли американская исследовательница в некоторую идеализацию

³ M. Mead. Coming of age in Samoa, A psychological study of primitive youth for western civilisation, New York, 1933, eighth printing.

отношений в этом, хотя и «примитивном», однако далеко не первобытном и отнюдь не пребывающем в «золотом веке» самоанском обществе, к тому же уже испытавшем достаточное влияние колонизации и деятельности миссионеров. В частности, трактовка той стороны проблемы «трудного возраста», которая непосредственно связана со спецификой полового созревания, остается в книге М. Мид уклончивой и во всяком случае недостаточно четкой. Между тем данные, которые автор сообщает о половой жизни самоанского юношества, говорят о том, что дело здесь обстоит далеко не благополучно и нормально.

В 1928—1929 гг. Маргарет Мид провела новую экспедиционную работу, на сей раз в Меланезии, на одном из островов Адмиралтейского архипелага, входящего в состав так называемой «мандатной территории» Новой Гвинеи. Тематически эту работу можно считать продолжением работы исследовательницы на Самоа. В течение шестимесячного пребывания на архипелаге, локализовав и на этот раз свои наблюдения преимущественно в одном небольшом, расположенном на заливе, в свайных хижинах селении примитивных рыболовов, состоящем всего из 210 обитателей, М. Мид вновь посвятила себя изучению главным образом детей, однако не только девочек, но и мальчиков. Установкой М. Мид и сейчас было собирание сравнительного материала к проблемам воспитания. В результате мы имеем еще одну весьма интересную и ценную по материалу книгу, содержание которой составляет ряд прекрасных живых очерков-зарисовок повседневного быта и семейной жизни меланезийцев, характеристик приемов обучения и воспитания детей, участия ребенка в общественной жизни взрослых, отношения ребенка к миру сверхъестественного, развития в нем личности, половых отношений юношества и пр. В заключение автор вновь обращается к трактовке проблемы воспитания в свете данного этнографического материала, причем и на сей раз рассуждения М. Мид страдают, с нашей точки зрения, известной нерешительностью и неопределенностью. Зато описания сами по себе попрежнему имеют большой интерес, и многие стороны быта отсталого народа, быта и отношений его молодежи описаны М. Мид с такой выразительностью, какую мы в соответствующей литературе встречаем впервые; к тому же и с точки зрения чисто литературной автор делает здесь новый шаг вперед⁴.

Но экспедиция на Адмиралтейские острова имела своим результатом еще одну работу М. Мид, работу, которая с нашей точки зрения имеет крупнейшее научное значение. Это — небольшое специальное исследование, посвященное психологии меланезийского ребенка⁵. Работа эта заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

В зарубежной науке давно укрепилось убеждение в том, что мышление первобытного человека (а вместе с тем и современных народов, находящихся на низших ступенях развития) отличается специфическими особенностями. Это дало некоторым ученым основание считать примитивное мышление принципиально отличным от мышления культурного человека — тезис, который в реакционном лагере буржуазной науки смыкается с теорией «низших рас». Вместе с тем предполагается, что мир идей первобытного человека, будучи детерминирован особым строем восприятий и мышления, лежит целиком в области чисто фантастических, сверхъестественных представлений, чем и обуславливается не только все поведение, но и вся культура человека на данной стадии развития. Эти идеи были развиты и приняли форму своего рода теории в писаниях французского философа Леви-Брюля, выступившего в 1910 г. с книгой «Мышление в низших обществах»⁶ и развивавшего или преимущественно повторявшего свои взгляды в ряде последовавших затем сочинений на ту же тему. Доказывая, что примитивное мышление является сугубо «мистическим», Леви-Брюль утверждал, что между примитивным мышлением и мышлением культурного человека существует не только количественное, но и качественное различие, вследствие чего примитивное мышление оказывается «дологическим» (prélogique). Вслед за Леви-Брюлем выступил с аналогичной трактовкой психологии детского возраста французский психолог Пиаже, точно так же количественно и качественно противопоставивший мышление ребенка и мышление взрослого человека и таким образом сближавший (что делалось и раньше) психику ребенка с психикой первобытного человека⁷.

Мысль проверить эти теории путем наблюдений над детьми какого-либо отсталого племени и явилась целью специальной работы, предпринятой М. Мид на Адмиралтейском архипелаге. Ограничивая и теперь свою тему, М. Мид сосредоточилась на исследовании преимущественно одного вопроса, а именно на выяснении, действительно ли мышление и представления ребенка в примитивном обществе про-

⁴ Growing up in New Guinea, A comparative study of primitive education. New York, 1930.

⁵ An investigation of the thought of primitive children with special reference to animism. «Journal of the Anthropological Institute», vol. 62, 1932, January — June.

⁶ L. Lévy-Bruhl. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris, 1910.

⁷ J. Piaget. Le jugement et le raisonnement chez l'enfant. Neuchâtel — Paris, 1924.

никнуты тем анимизмом или антропоморфизмом, которые приписываются мышлению первобытного человека, равно как и детскому возрасту.

И сейчас, владея туземным языком и изучая параллельно общественный строй данной группы меланезийцев, М. Мид имела благоприятную возможность поставить свое исследование продуманным и основательным образом. Можно сказать, что данная работа была проведена вполне научным путем по своей методике и по тщательности выполнения может считаться приближающейся к хорошо поставленному лабораторному эксперименту.

Непосредственный объект наблюдений американской исследовательницы составляли две группы детей: одиннадцать мальчиков и одиннадцать девочек в возрасте от двух до шести лет и десять мальчиков и девять девочек в возрасте от шести до двенадцати лет. Наблюдения свои над этими детьми М. Мид вела в домашней среде и обстановке туземцев и в окружении детей их взрослыми соплеменниками, а также во время игр самих детей. Наблюдения велись и более специальным образом, в доме самой исследовательницы, где она постаралась создать вполне непринужденную обстановку, в которой дети чувствовали себя совершенно свободно и независимо.

Наблюдения над детьми в их обычной среде, во время их игр и в их каждодневном поведении дало М. Мид возможность зафиксировать вопросы детей, обращенные к взрослым, реакции на указания старших, разговоры между собой, поведение во время ссор, объяснения и оценки, данные детьми различным явлениям и происшествиям и т. д. В работе над детьми у себя на дому М. Мид избрала три специальных метода изучения мышления и представлений детей, а именно: свободный рисунок, общеизвестное тестирование путем чернильных пятен и стимулирование вопросами, которые должны бы вызвать анимистические ответы.

В результате американская исследовательница собрала обширный материал для ответа на поставленный ею основной вопрос. В частности, М. Мид собрала за пять месяцев своего пребывания в Меланезии до 32 тысяч рисунков. Отметим, что никто из наблюдаемых М. Мид детей никогда до того не держал в руках карандаша и бумаги, причем исследовательница постаралась свести здесь к возможному минимуму элемент обучения, которое выразилось только в некотором подражании младших тому, что делали старшие из детей. Карандаши дети имели возможность выбирать сами, и любопытно, что цветные карандаши совершенно не пользовались у них успехом.

Результаты, к которым привела американскую исследовательницу ее работа, поразительны. Ведь если считать, что первобытный человек и так сказать адекватный ему человек современного отсталого племени насквозь проникнуты мистицизмом, «дологизмом» и пр., если детский возраст (по довольно распространенному воззрению) воспроизводит первобытное состояние, то каким мистиком, фантастом и пр. должны бы оказаться дети этих отсталых племен?

Поставив перед собой, как было сказано, вопрос, содержат ли представления и поведение меланезийского ребенка элементы анимистического мышления, М. Мид в том материале, который был ею собран при наблюдениях повседневного поведения и игр детей, получила достаточно категорический отрицательный ответ.

М. Мид совершенно правильно различает при анализе своего материала, с одной стороны, то, что она называет «спонтанным анимизмом», т. е. представление, вытекающее из самостоятельного мышления, собственного детскому возрасту и его непосредственным восприятиям, с другой стороны, повторяемые или усвоенные ребенком идеи или выражения, данные в языке или словоупотреблении старших. Поэтому М. Мид, естественно, не должна была и не могла отнести за счет анимистического строя мышления те выражения или оценки детей, в которых они лишь повторяли, в значительной мере автоматически, соответствующие высказывания взрослых. Так, меланезийские дети принимают как данное наличие и постоянное присутствие духов вообще и автоматически повторяют связанные с этим толки, соображения и пр. старших. Однако, как правильно указывает исследовательница, только в том случае, если бы ребенок самостоятельно создавал идею духа, говорил бы с ним, видел его, призывал бы его для своих целей, только в таком случае можно было бы видеть здесь проявление спонтанной веры в духов и анимизма. «Я считала», — говорит автор, — чисто усвоенное (traditional) поведение, выражалось ли оно в языке или в вере, недостаточным доказательством того, что ребенок спонтанно наделяет личностью явления природы, животных или неодушевленные предметы, либо создает в своем воображении несуществующие существа».

«В результате», — говорит М. Мид, — я не нашла ни разу, чтобы ребенок персонализировал собаку, рыбу или птицу, точно так же как солнце, луну, ветер или звезды. Я не нашла ни одного свидетельства того, чтобы ребенок приписывал случайным происшествиям, например угону ветром лодки, потере какого-нибудь предмета, необъяснимому шуму, внезапному порыву ветра, падению плода с дерева и пр. — сверхъестественные причины. Между тем, среди взрослых в том же обществе все подобное, в особенности неблагоприятные и неожиданные, явления всегда относятся за счет проделок «духа».

У меланезийцев, которых изучала М. Мид, каждый мужчина имеет своего духа-хранителя. Такой «дух» дается и каждому мальчику, начиная с пяти-, шестилетнего возраста, причем ребенок знает об этом. Однако дети не оказывают почти никакого внимания своему «духу», хотя большинство их знает этого «духа» по имени. Ни один ребенок никогда не утверждал, что видел своего «духа», и не слышал, чтобы другой его товарищ рассказывал о том же. Ни один ребенок никогда не обращался к своему «духу» с просьбой о помощи и пр. В общем, и старшие дети относились к своим личным «духам» со скептическим безразличием. Интересно еще, что мальчики никогда не хвалились тем, что у них есть духи-хранители, тогда как у девочек таковых нет, между тем как это составляло обычное основание превосходства в отношениях между взрослыми мужчинами и женщинами. Наконец, вообще к разговорам о «духах» дети выказывали крайне мало интереса.

Результаты и выводы, которые М. Мид получила от непосредственного наблюдения над детьми, всецело подтверждались их рисунками. В них не было животных, действующих подобно человеческим существам, не имелось изображений, соединяющих животные и человеческие черты; не было ни одного персонифицированного изображения явлений природы или очеловеченных/неодушевленных предметов во всех собранных исследовательницей рисунках. Животные изображались с возможной реалистичностью в их обычной среде. Солнце и луна не избирались в качестве особо предпочитаемых сюжетов. Когда М. Мид просила детей нарисовать солнце или луну, первое изображалось кружком, вторая — либо кружком, либо рожком. Никакого антропоморфизма в этих рисунках не было. Все сцены, которые изображались детьми, имели чисто реалистические сюжеты и исполнение: это были битвы, игра в мяч, поездки на лодке, сцены рыболовства и пр. Совершенно таким же образом никаких показаний об анимистическом строе мышления не получила наша исследовательница в результате тестирования путем чернильных пятен. Дети давали этим пятнам чисто реалистическое толкование, причем преимущественно только одно, отнюдь не выказывали склонности фантазировать на эту тему, вообще очень мало заинтересовывались этим делом. Наконец, такие же результаты дали и попытки стимулировать специфические ответы путем соответствующих вопросов, неожиданных звуков, движений куклы, интерпретации работы пишущей машинки автора и т. д. Во всех случаях и очень устойчивым образом меланезийские дети оставались непреклонными реалистами. Например, когда М. Мид спрашивала детей по поводу лодки, ушедшей в море с причала: «Это нехорошая лодка, она ушла в море, не правда ли?», дети в целом ряде случаев неизменно отвечали: «Нет, она была плохо привязана», или указывали на то, что виноват мальчик, не умеющий привязать как следует лодку.

Подводя итоги своему исследованию, М. Мид приходит к выводу, что изучавшиеся ею дети Меланезии не только не выказывают склонности к спонтанному анимистическому мышлению, но обнаруживают и черту, которую американская исследовательница обозначает как «негативизм» по отношению к анимистическому объяснению явлений. «Ребенок на Адмиралтейских островах, — говорит М. Мид, — менее спонтанно анимистичен и менее подвержен усвоенному анимизму, чем взрослый его же общества».

Обращаясь к более широкой интерпретации результатов своего эксперимента, М. Мид, на наш взгляд, не делает всех тех важных и решающих выводов, которые отсюда можно сделать. Отметим лишь, что американская исследовательница приходит (скорее, впрочем, в дискуссионной форме) к выводу, что «дети в цивилизованном обществе становятся анимистично мыслящими под влиянием их культуры, причем затем, в процессе воспитания, эта анимистическая склонность подвергается критическому воздействию и в значительной мере элиминируется».

Основываясь на том же материале, М. Мид в другой своей статье, «Примитивный ребенок», говорит, что анимистический образ мышления «оказывается детерминированным культурой, потенциальностью человеческого ума, проявляющейся в специальных культурных условиях, но не является необходимым спутником какой-либо стадии умственного развития». Наконец, в вышеуказанной книге о детях на Новой Гвинее автор говорит: «Дети (речь идет о туземных детях) не религиозны по своей природе и не имеют склонности к колдовству, фетишам, заговорам и ритуальным действиям. Они не склонны по своей природе к выдумкам и не обладают естественной склонностью создавать воображаемые конструкции. Они не склонны сами считать солнце одушевленным, равно как и изображать его с человеческим лицом. Их умственное развитие в этих отношениях определяется не какой-либо внутренней необходимостью, а той формой культуры, в которой они воспитываются».

Но мы не станем требовать от М. Мид таких выводов и формулировок, которые бы нас совершенно удовлетворили. Собранный ею материал настолько выразителен, результаты ее исследования настолько яркие и решающие, что соответствующие выводы сделать нетрудно. Поскольку она называет изложенную нами сейчас работу «предварительным отчетом» и указывает, что имеет в виду расширить свое исследование той же темы путем повторения своего эксперимента над детьми других отсталых обществ, мы должны пожелать скорейшего осуществления М. Мид своего

замысла и с большим интересом ожидать появления ее новых работ. Пожелаем также, чтобы советские этнографы в свою очередь занялись проблемами, разрабатываемыми американской исследовательницей.

Нам остается отметить, что М. Мид написала ряд специальных статей на темы о воспитании и психологии детства в свете собранного ею этнографического материала. Такова упомянутая выше статья «Примитивный ребенок», в которой американская исследовательница ставит общую задачу изучения детей в отсталых обществах и намечает соответствующие проблемы, а равно и методику. Назовем также из известных нам ее статьи: «Американские проблемы воспитания в свете тихоокеанских экспериментов», «Юношество в примитивном и современном обществе», «Использование примитивного материала при изучении личности» и др.⁸

М. Косвен

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

S. Sieber and F. Mueller. The social life of primitive man. New York and London, 1941, IX + 566.

Один из авторов этой книги, С. Зибер, ученик патеров Шмидта и Копперса, задался целью найти «общую почву» для его «европейских учителей и американских антропологов» (стр. VII). К выполнению этой задачи он привлек социолога Ф. Мюллера, занимающегося популяризацией основных положений «теории культурных кругов» с кафедр американских католических учебных заведений: университета св. Льюиса и колледжа св. Томаса. Помимо этой теоретической задачи — «найти общую почву», авторы поставили себе еще задачи практические: способствовать введению «теории культурных кругов» в практику научного исследования и университетского преподавания в Америке, а также в практику полевой работы американских этнографов. С этой целью составленной им книге был придан характер учебного пособия.

Книга, не считая введения, делится на три больших раздела: 1) Примитивные культурные круги, 2) Первичные культурные круги, 3) Вторичные культурные круги. Каждый раздел содержит главы: а) Брак и семья, б) Государство и управление, в) Объединения, г) Собственность, д) Технология и индустрия, е) Экономическая жизнь и торговля. После каждого раздела дан список племен, относимых к соответствующей группе культурных кругов. В конце книги даны контрольные вопросы к каждой главе (всего 250 вопросов) и этнографический словарь (около 165 терминов).

Авторы пытаются отождествить понятие «культурного круга» с ходячим в новейшей американской этнографии понятием «культурного типа» («culture pattern»). «Мы должны, — пишут они, — составить культурные типы (лабораторные образцы), то-есть культурные круги, и описать их, как если бы они и в действительности существовали в этой чистой форме» (стр. 5). Авторы трактуют поэтому культурный круг и культурный тип как «методологический идеал, из которого все несоответствующие («dissident») элементы должны быть по возможности удалены, а наиболее характерные выставлены на первый план» (там же).

Перед нами, по существу, свободный перевод общеизвестной книги Шмидта и Копперса «Völker und Kulturen». Для характеристики конструкций авторов достаточно привести следующие их положения. В примитивные культурные круги авторы помещают частную собственность и моногамную семью. Недостаток в средствах пропитания они объясняют как «наказание за первородный грех» (стр. 74) и отсюда выводят необходимость хозяйства, экономики. Особенностью примитивной экономики является, по их мнению, невозможность прогресса: «примитивный человек платит ценой материального застоя за свою свободу» (стр. 80). Наконец, основную причину материального застоя авторы видят в отсутствии классов. Надо сказать, что в этих и ряде других своих реакционных и нелепых положений американские ученые культурно-исторической школы пошли значительно дальше своих «европейских учителей».

Книга Зибера и Мюллера не встретила одобрения среди американских этнографов. Рецензии на нее поместили Р. Лоуи в «American Anthropologist» (1942, 1) и П. Хонигсхейм в «American Sociological Review» (1941, 6). Роберт Лоуи отвел ей известное место в ряду книг «по истории и теории нашей науки», но заявил: «поскольку она избегает критического разбора принципов, излагаемых ею, я сомневаюсь, сможет ли она выполнить ту задачу, которая поставлена авторами: служить вводным пособием при изучении социологии и экономики».

⁸ The primitive child, in: A handbook of child psychology. Worcester, 1931, Chapter 22, p. 669—687; American educational problems in the light of South Sea experiments. Proceedings of the 18 Annual schoolmen's week, 1930; Adolescence in primitive and modern society. «New Generation», 1930; The use of primitive material in the study of personality. «Charakter and personality», 1934.